

А.В. БУЗГАЛИН

Социальный капитал: клей, обеспечивающий устойчивость позднего капитализма, или гексоген в его основании?*

В статье показано, что за термином “социальный капитал” в условиях “позднего капитализма” скрываются превратные формы пострыночных и постбуржуазных отношений (в том числе отношений солидарности, взаимопомощи, коллективизма), которые дают позитивный социальный и гуманитарный эффект, часто используемый в современных условиях для увеличения прежде всего денежного дохода.

Ключевые слова: социальный капитал, поздний капитализм, пострыночные и посткапиталистические отношения, отношения солидарности и сотрудничества, превратные формы, противоречия.

Author argue, that ‘social capital’ is now, under ‘late capitalism’ not more than deformed form of post-market, post-capitalist relations (relations of solidarity, cooperation, collectivism). They gives positive social and humanitarian effect, very often used for maximization of money income par excellence.

Keywords: social capital, late capitalism, post-market, post-capitalist relations, relations of solidarity, cooperation, collectivism, deformed forms, contradictions.

Поводом для обращения к данной теме стали, с одной стороны, все чаще встречающиеся попытки обозначить если не всю, то большую часть сферы социальных связей, отношений и институтов термином “социальный капитал”, который “вдруг” (в конце 1980-х–первой половине 1990-х гг.) оказался очень удобным и востребованным понятием¹. С другой стороны, этот текст логично (во всяком случае, по-моему) продолжает мои исследования проблем генезиса пострыночных отношений, которые по-прежнему одеваются в традиционные костюмы мира товаров и капиталов [Бузга-

---

¹ Попытка первичной систематизации основных зарубежных трактовок социального капитала и подробная библиография содержатся в англоязычных Интернет-ресурсах (www.socialcapitalresearch.com). Их анализ и систематизация представлены, в частности, в [Штырбул, 2009]. Значительную часть зарубежных источников по проблемам, связанным с социальным капиталом, я использовал, опираясь на названные выше Интернет-ресурсы и тексты.

---

* К разработке марксистской теории социального капитала как превратной формы генезиса постбуржуазных отношений и симулякра прогресса капитализма. Сокращенный вариант текста. Полный текст публикуется на сайте www.alternativy.ru.

Бузгалин Александр Владимирович – доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра “Экономика знаний” кафедры политической экономики экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, директор Института социэкономки Московской финансово-юридической академии.

лин, Колганов, 2004^а; 2005; 2006; 2007]. Причины же работы над этим текстом лежат глубже: они связаны с исследованиями объективных противоречий развития позднего капитализма, и именно об этих противоречиях и о том, почему и как они порождают феномены “человеческого”, “социального” и иных новых видов как бы капитала пойдет главным образом речь.

Социальный капитал: как ищут и что находят западные и копирующие их отечественные авторы?

Я не ставлю перед собой задач первоначального анализа материала, состоящего в пересказе того, кто что сказал на Западе о “социальном капитале” и каковы его основные слагаемые. Не ставлю, ибо в первом приближении они уже решены во многих работах². Отмечу лишь, что справочники и словари, описывающие эту совокупность в предельно общем виде, делают “социальный капитал” поистине безграничным понятием: это институты, отношения и нормы, формирующие качественно и количественно социальные взаимодействия в обществе (определение Всемирного банка). В профессиональных работах эта аморфность, однако, отчасти преодолевается, что позволяет несколько специфицировать данную категорию. Позволю себе для начала выделить ряд устойчиво повторяющихся феноменов, которые разные группы авторов относят к социальному капиталу.

Первый, очевидно бросающийся в глаза, – *доверие и связанные с ним феномены знакомства, признания, толерантности*³. Второй – социальные связи, контакты разного рода (перечень этих связей, встречающихся в разных работах, очень широк: семья, религиозные группы, сети выпускников, сообщества по национальному признаку, знакомства и т.п.) с выделением неформальных (то, что мы бы назвали “блатом”) и чисто личностных (товарищество, дружба и т.п.)⁴.

Третий – социальные структуры. С этим ситуация сложнее. Сделанный рядом авторов выбор таких структур показывает, что наиболее часто упоминаются различного рода элитные структуры (вплоть до закрытых бизнес-клубов и разного рода “саммитов” типа Давосского, о чем, правда, упоминают редко), но есть и работы, в которых речь идет о разного рода социальных сетях⁵ и/или добровольных организациях, структурах гражданского общества (см., в частности, [Thomas, 1996, p. 11]). Если же говорить об авторах, выделяющих более-менее устоявшиеся типы связей, то они делают акцент на: внешних связях, также называемых связями преодоления (bridging) или коммунальными связями; на внутренних связях – связях “склеивания” (bonding)⁶. Наконец – и это очень важный аспект – некоторые из зарубежных авторов отмечают, что отношения, описываемые понятием “социальный капитал” по преимуществу *не-конкурентны*⁷.

² Постоянным читателям журнала, очевидно, более удобным было бы обращение к обзору [Стрельникова, 2003].

³ Об этом пишут, в частности, Ф. Фукуяма [Fukuyama, 1995], Р. Инглхарт [Inglehart, 1997], Р. Патнем [Putnam, 1995] и многие другие.

⁴ Эти положения характерны, в частности, для таких авторов как П. Бурдьё и Дж. Коулман.

⁵ Социальные связи в группе, знакомства, признание, которые можно конвертировать в капитал, выделяют как атрибут социального капитала подавляющее большинство авторов, пишущих на эту тему.

⁶ Несколько условное деление на авторов, принадлежащих к той или иной из упомянутых выше групп, приведено в указанном выше Интернет-ресурсе, реферирующем работы зарубежных авторов.

⁷ Отмечая этот аспект, я хотел бы в то же время заметить, что акцент на преимущественно неконкурентном характере связей как одной из отличительных черт социального капитала для зарубежной литературы не характерен. Описывая по преимуществу именно не-конкурентные отношения, большинство авторов тщательно стараются этого не замечать. И ведь у них это получается! Еще один вопрос: если верить неоклассике, атрибут рынка (и, следовательно, капитала) – конкуренция. Следует ли отсюда, что это (как и многие другие формы взаимодействия в капиталистической системе) – не-рыночный феномен? Или не-конкурентные отношения есть один из атрибутов рынка? В самом деле, почему бы не считать отношения солидарности одной из прогрессивных форм рынка и обеспечивать переход к рынку в России путем сворачивания конкуренции и развития солидарности? Глупость? А считать не-конкурентные отношения по своей природе рыночными – это что?

Для целей данного исследования, однако, особенно важно иное деление зарубежных авторов. Первая и доминирующая группа – те, кто *социальный капитал понимают сугубо коммерчески* (или экономически в узком смысле слова), то есть как социальные параметры (как правило, это прежде всего доверие и знакомства в той или иной сети), которые могут быть использованы для получения дополнительной коммерческой (и иной) выгоды⁸ или, как заметил один из этих исследователей (М. Шифф), являются аргументом производственной функции и/или функции полезности [Schiff, 1992, p. 160]. Вторая группа – те, для кого он есть *еще и феномен, описывающий особый* (я бы сказал – не типичный для рынка) круг отношений, в которых *социальный капитал выступает как общественное благо*⁹. Это отношения “сотрудничества” [Putnam, 1995; Brehm, Rahn, 1997], “оказания помощи и поддержки” [Bourdieu, Wacquant, 1992; Voxman, De Grant, Flap, 1991] и т.п., которые способствуют “развитию коллектива в целом” [Thomas, 1996] “с целью решения проблем коллективных действий” [Brehm, Rahn, 1997]. Иными словами, можно сказать, что последняя группа авторов в совокупности определяет социальный капитал как... *систему отношений коллективизма, помощи, поддержки и взаимного сотрудничества с целью развития сообщества в целом*¹⁰.

Проведенное деление западных авторов на две группы принципиально важно для дальнейшего исследования, и потому я уделил ему столько внимания. Если же суммировать общие признаки разработок большинства известных мне авторов – как пишущих о социальном капитале на Западе, так и воспроизводящих эти трактовки в нашей стране¹¹ – то получится следующий набор характеристик, не выбивающийся из типичного пейзажа “основного течения” современной экономической и социальной теории ни по предмету, ни по методу:

- использование методологии позитивизма и потому выделение преимущественно эмпирически наблюдаемых черт;

- господство у многих (но не у всех) авторов прагматического подхода, обуславливающее выделение прежде всего тех социальных связей и отношений, которые могут обеспечить прирост исходных ресурсов (в большинстве случаев – дополнительный денежный доход);

- выделение в качестве предмета исследования процессов, отождествляемых (в какой мере правомерно – особый вопрос) с рыночными, капиталистическими отношениями;

- ориентация на выделение функциональных и иных связей, позволяющих формализовать и квантифицировать выделяемые черты социального капитала, неявное абстрагирование от связей, взаимодействий и аспектов исследования, не поддающихся математическому моделированию;

- господство методологического индивидуализма в большинстве работ (исключение составляют отдельные авторы, включающие и анализ социально-групповых процессов) и т.п.

---

⁸ Это характерно для большинства упомянутых выше авторов, а также для таких ученых, как Р. Барт [Burt, 1992], Д. Кнок [Knoke, 1999] и др.

⁹ Это характерно, в частности, для работ А. Портеца [Portes, 1998]. Сходная трактовка социального капитала дана одним из немногих отечественных исследователей этого феномена – К. Маркаряном, развивающим свое понимание этой категории вплоть до серии стратегических рекомендаций в области экономической политики [Маркарян, 2010].

¹⁰ Приостановив анализ взглядов западных авторов и написав выделенную выше курсивом дефиницию, я едва не упал со стула: в самом деле, любой осведомленный старше 50 знает, что это не что иное, как... определение основного производственного отношения коммунизма в учебнике политической экономии Высшей партийной школы при ЦК КПСС.

¹¹ Конечно же, я не претендую на исчерпывающую полноту своего обзора, носящего к тому же вторичный характер, и потому буду рад любому дополнению и критике, но, исходя из теоретико-методологических соображений, я все же склонен считать, что ничего принципиально иного, чем упомянуто выше, в рамках мейнстрима о социальном капитале не сказано и не будет сказано. Я, скорее всего, упустил какие-то дополнительные черты, новые формулы и модели и т.п. параметры, лишь дополняющие или более успешно квантифицирующие названные выше черты.

Перечисленные выше параметры позволяют, в частности, объяснить, почему едва ли не все известные исследователи социального капитала не задаются вопросом, насколько правомерно называть совокупность подводимых под это имя явлений именно *капиталом*. Почему бы их не назвать, скажем, “социалом” – не-рыночной и некоммерческой социальной связью индивидов?

Ответ на этот вопрос довольно очевиден: принадлежащие к мейнстриму авторы все, что производительно, как и вообще любую форму богатства, считают капиталом, а то, что социальные связи могут быть производительны, знает всякий, кто использовал в целях собственной выгоды дружбу, кумовство, связи внутри национальных диаспор и т.п. Впрочем, открытие “продуктивности” социального капитала также считают важным научным достижением – и не без оснований: теперь у экономистов есть несколько способов, при помощи которых можно посчитать экономическую эффективность товарищества, дружбы и семейных привязанностей, что (без всяких шуток!) весьма важно для всякого серьезного бизнесмена и менеджера.

Для нас здесь, впрочем, важен не ответ, а *вопрос*. Задав его, я ставлю под сомнение не прилагательное, а существительное – самую суть феномена “социальный капитал”. Я ставлю проблему: *а капитал ли это?* Можно, конечно, все, что так или иначе дает некий прирост богатства, считать капиталом. И это правильно с точки зрения неоклассического нарратива. Более того, даже марксизм, спорящий с этим в принципе, подтверждает, что капитал, будучи в условиях капитализма всеобщей формой богатства, придает всем феноменам этого общества вид капитала. Вот только вопрос: а можно ли, например, считать *капиталом* (пусть и социальным) добровольные организации, постоянно и неуклонно осуществляющие деятельность (исключительно легитимную, мирную и демократическую) по:

– ограничению доходов собственников капитала и перераспределению их (в размерах до 50%) в пользу беднейших слоев населения?

– национализации образования, здравоохранения, природных ресурсов, объектов инфраструктуры, телекоммуникаций и т.п.?

– развитию селективного регулирования экономики и увеличению даже не до 50 (как сегодня в Скандинавских странах) а до, скажем, 70–80% доли ВВП, перераспределяемой обществом (НПО, органами местного самоуправления и государством)?

Между тем все эти явления в полной мере подпадают под то определение социального капитала, которое принято на Западе: они являются формой общественной связи индивидов, обеспечивающих рост полезного эффекта (в данном случае, социального равенства и социальной справедливости). Но *так* вопрос в современных западных исследованиях социального капитала никто не ставит. И это не случайно.

Во-первых, мейнстрим названные процессы вообще не замечает, считая их незначительными маргинальными возмущениями на границах системы. Более того, в него вообще не вписывается ничего, что указывает на наличие иных, нежели рынок и капитал, феноменов в реальной действительности. А они есть. Во-вторых, прогресс социального равенства и справедливости принадлежащие к “мейнстриму” исследователи социального капитала вряд ли сочтут продуктивным актом, если это не вызывает рост прибыли корпораций или хотя бы рост ВВП страны.

Фиксация такого подхода важна, ибо, соглашаясь с ним (в самом деле, называть капиталом, пусть даже и социальным, то, что не увеличивает денежное богатство, странно), можно провести то ограничение, которое сами по себе исследователи социального капитала проводят редко. То есть социальным *капиталом* можно называть только *те социальные взаимодействия, которые прямо или косвенно resultируются в росте рыночного эффекта, в первую очередь – приросте денег, капитала*.

Все остальные социальные связи даже по аналогии называть капиталом не стоит, ибо в этом случае социальным капиталом окажется и вся совокупность отношений, формировавшихся в СССР под мудрым руководством КПСС и Советского правительства, а любое общество и любой экономический строй окажется капиталистическим... (В самом деле, вряд ли ученые, стоящие на позициях экономического либерализма,

согласятся с тем, что социализация экономики есть прогресс капитала, пусть даже и социального...) В этом случае та трактовка исследуемого понятия, которую я выше назвал “социальной”, выйдет из поля, обозначаемого понятием “социальный капитал”, и это важный аспект, к которому я еще вернусь.

Итак, перед нами два подмножества явлений, обозначаемых понятием “социальный капитал”: 1) некие ранее не описывавшиеся экономической теорией формы социальных взаимодействий, включение в которые дает *рыночный, капиталистический эффект*; 2) формы социальных взаимодействий, которые дают *не рыночный, а социальный эффект*. Существенно, что эти два подмножества пересекаются.

А теперь зададимся вопросом: а какова природа этих социальных взаимодействий? Едина ли она для первого и второго подмножеств?

Несколько предварительных определений (краткое отступление)

Гипотеза, которую я буду разворачивать и аргументировать в этом подразделе, состоит в следующем: отношения и процессы, обозначаемые термином “социальный капитал”, – *par excellence* посткапиталистические (и пострыночные) феномены, которые обретают форму капитала в силу всеобщности бытия и господства последнего в современных условиях. Эти посткапиталистические отношения могут служить прогрессу преимущественно капитала (социальный капитал первого вида) или общества (социальный капитал второго вида). В первом случае включение и собственно капиталистических отношений является правилом, во втором – исключением.

Прежде чем начать пояснять и аргументировать эти положения, позволю себе (в качестве одного из блоков гипотезы) ввести некоторые понятия. Будем считать:

(1) *рынком* – форму только таких взаимодействий, субъекты которых независимы друг от друга; функционируют в условиях разделения труда, преследуют цели максимизации дохода (имеющего в развитой рыночной экономике денежную форму или денежный эквивалент) и минимизации затрат труда, а также других ресурсов; взаимодействуют посредством отношений конкуренции;

(2) *капиталом* – только такой процесс прироста общественного богатства по сравнению с исходным (процесс создания прибавочного продукта), в основании которого лежит частная собственность одних лиц на не-персонифицированные факторы этого процесса (в частности, средства производства, включая такие, как информация), а других лиц – на рабочую силу, причем собственник рабочей силы лично свободен и лишен какой-либо иной собственности;

(3) иные феномены – *не-рыночными* и/или *не-капиталистическими*. В частности, не-рыночными будем считать отношения натурального хозяйства (производства и потребления продукции внутри одного хозяйственного субъекта); безвозмездного дарения и безвозмездного помощи; не ориентированных на максимизацию частного эффекта сотрудничества и кооперации; сознательного распределения и перераспределения благ на основе непосредственно общественного принятия решений, исходя из социальных (гуманитарных, экологических и т.п.) критериев, и т.п. К не-капиталистическим при таком подходе будут отнесены, например, процессы получения прибавочного продукта путем внеэкономического принуждения лично зависимых работников; или создание прибавочного богатства общества ассоциацией собственников общественных средств производства; или сотворение свободным креатором, работающим на основе гарантированного обществом обеспечения рациональных потребностей нового культурного феномена, передаваемого человечеству бесплатно, как общественное благо (научная работа сотрудника НИИ или университета в общественном секторе экономики);

(4) *переходными* – всякие процессы, в которых противоречиво соединяются черты рыночных и не-рыночных (капиталистических и не-капиталистических) отношений. Достаточно очевидно, что в современных экономиках господствуют именно такие, переходные отношения: от 30 до 50% ВВП развитых стран распределяется и перерас-

пределяется по не-рыночным критериям на основе общественных, сознательно вырабатываемых решений; многие работники являются собственниками акций, а высшие менеджеры соединяют в себе черты собственника капитала и наемного работника, и т.п.;

(5) в классе переходных процессов можно, в частности, выделить, *отмирание до-рыночных (до-капиталистических) отношений и генезис пострыночных (посткапиталистических) в процессе эволюции рыночной капиталистической экономики*¹². В качестве основы для такого выделения будет использован известный в социофилософской литературе *критерий прогресса*: мера свободного гармоничного развития личности¹³ (его косвенным социально-экономическим измерителем может служить Индекс человеческого развития, а также ряд других показателей, используемых ООН и ЮНЕСКО для сравнительного анализа социального, гуманитарного и экологического развития стран). Соответственно, в случае, если переход осуществляется от менее прогрессивных отношений, чем рынок (капитал), к рынку (капиталу), можно говорить об отмирании до-рыночных (до-капиталистических) отношений. В случае, если осуществляется переход от рынка (капитала) к более прогрессивным отношениям, я буду говорить о генезисе пострыночных (посткапиталистических) отношений.

Отношения и процессы, скрытые за понятием “социальный капитал”: базовые социальные взаимодействия

После этих предварительных замечаний можно вернуться к проблеме историко-диалектического исследования феномена, называемого “социальным капиталом”. Что же скрывается за этим термином? Если мы рассмотрим первый подвид социального капитала (отношения, приносящие рыночный эффект), то окажется, что основанием для такого имени – способность этих отношений и общностей приносить прибыль тем агентам, кто умело используют их для умножения своей выгоды. Итак, внешне все параметры соблюдены. Даже с точки зрения Марксовой всеобщей формулы капитала ($D-T-D'$) перед нами капитал¹⁴. Более того, мы можем представить его формулу: $D-C-D'$, где C – социальные связи и отношения¹⁵. Эта формула, как выяснится ниже, несколько упрощена, но пока это не важно. С практической точки зрения она предстает в несколько циничном, но вполне понятном виде. У некоего агента X есть, скажем, 1 млн долларов, которые он хочет умножить. В случае обычных вложений он получит, скажем, 10% прибыли, то есть 1,1 млн. Но если осуществить эти вложения, пользуясь протекцией однокашников по престижному N -скому университету, то процент окажется выше, и наш агент X получит не 1,1, а скажем, 1,2 млн. Соответственно, 100 000 долларов в этом случае будут продуктом социального капитала¹⁶.

Теперь можно взглянуть на систему отношений, которые характеризуют “производство” социального капитала в современную эпоху, и на этом основании ответить

¹² Этот аспект гипотезы предполагает, что в качестве исходной посылки принимается весьма спорный и в неоклассике вообще не обсуждаемый тезис, а именно: рыночная экономика имеет исторические и логические социовременные и социопространственные границы, то есть где-то и когда-то она есть, а где-то и когда-то ее нет.

¹³ Этот критерий в разных формах воспроизводится в работах теоретиков Ренессанса (Пикко де Ла Мирандола), Просвещения (Вольтер), марксизма (прежде всего сам К. Маркс, а также Д. Лукач, А. Шафф и др.), экзистенциализма (Ж.-П. Сартр), гуманистической психологии (Э. Фромм) и т.д. Не случайно в политической экономии социализма этот императив был назван основным законом коммунистической системы. (Подробнее о соотношении апологетики и науки в этой связи см. [Политическая... 2003].)

¹⁴ Замечу: неоклассическое определение капитала несколько более аморфно и менее строго повторяет определение, данное во II разделе I тома “Капитала”. Другое дело, что Маркс, в отличие от представителей неоклассики, не ограничивается видимостью, которая складывается в обращении, и идет дальше, анализируя и сущность, раскрывающуюся только в исследовании процесса производства в широком смысле слова.

¹⁵ С. Штырбул предлагает несколько иной вид этой формулы: “Доверительная расписка–Услуга–Доверительная расписка” [Штырбул, 2009].

¹⁶ В приведенном выше примере социальный капитал выступает в виде своего рода мультипликатора, что позволяет уточнить приведенную выше формулу. Она получит вид: $D-T(C)-D'$.

на вопрос, является ли это “производство” капиталистическим производственным отношением. Если посмотреть на данный процесс сквозь призму историко-диалектического исследования рынка и капитала, то окажется, что мы имеем здесь дело с классом явлений, по своим основным параметрам не принадлежащим к атрибутам товарно-капиталистических отношений. Скрытые за термином “социальный капитал” отношения и процессы либо существовали до и независимо от рынка и капитала, существуют при любой экономической системе, либо относятся к не-рыночным, не-капиталистическим феноменам.

Что касается первого подвида, то здесь все относительно просто. В самом деле, вряд ли кто-то станет оспаривать, что семейные связи, дружба, религиозная или национальная общность не есть порождения рынка и капитала. Впрочем, и здесь есть нюансы. Точно так же, как станок (или даже кусок золота) по своей природе не капитал, а всего лишь некоторое технологическое устройство (или металл), и семья (остановимся в качестве примера на этой форме социальной связи) по своей природе есть способ воспроизводства рода Человек, а не средство получения прибыли. Но будучи включен в капиталистический процесс производства, станок становится капиталом.

Можно ли по аналогии говорить о сходном превращении семьи? Я думаю, что ответ будет неоднозначным. Если семья “производится” как часть процесса создания прибыли (формирование капитала для начала семейной жизни—производство семьи—получение большего, чем авансированный, капитала в результате функционирования семьи), то по форме процесс является капиталистическим. Но по существу семейные отношения как таковые лишь в исключительном случае оказываются отношениями собственника капитала-семьи (того, кто вложил средства в создание семьи) и того, кого я условно могу назвать “семейным наемным работником” (того, кто получает содержание от хозяина и выполняет оговоренные контрактом функции). Более того, переход внутрисемейных отношений на собственно капиталистические основы (или отношения рыночного партнерства – производства семьи со-владельцами “семьи-капитала”) приводит к тому, что семья перестает быть собственно семьей – отношениями людей, основанными на взаимной любви, дружбе, традиции, взаимопомощи.

Итак, в случае с первым подвигом социального капитала можно сделать важный вывод. Вместо формулировки “семья есть капитал” (я просто опустил в данной формуле прилагательное “социальный”) мы получили иную: семья по своей природе *не есть* капитал, но может иметь *видимость* капитала, если используется для извлечения прибыли, и даже приобретает содержательные черты капитала, если строится на принципах, отрицающих собственно семейные. Эту формулу можно генерализовать, заменив термин “семья” на “базовые социальные связи”¹⁷ (напомню, термин “семья” выше был использован лишь как пример для упрощения изложения). В этом случае можно сказать: *базовые (родовые) социальные связи человека по своей природе не есть капитал, но могут получить видимость капитала, если используются для извлечения прибыли, и даже приобретать содержательные черты капитала, если строятся на собственно капиталистических (а не социально-инвариантных) принципах*¹⁸.

В контексте данного исследования этот подвид отношений не может быть квалифицирован ни как *до-*, ни как *пострыночные* и/или капиталистические отношения. Они в большинстве своем принадлежат к не-экономическим сферам жизни общества

¹⁷ Не уверен, что выше использован наилучший термин и буду благодарен за критику и помощь в поиске более адекватного понятия. Смысл, вкладываемый в этот термин, однако, известен: социальные связи и взаимодействия, характерные для Человека как родового существа, существующие во всех (или нескольких) социальных образованиях независимо от собственного системного качества последних.

¹⁸ Здесь нас ждет большая трудность: с точки зрения неоклассики, “естественное”, родовое свойство человека – рациональный экономический эгоизм. Я не могу вести всерьез полемику с этим утверждением, ибо, по-моему, исторически доказанным является наличие существенно иных, нежели рыночные, капиталистические принципов, ценностей и мотивов поведения у представителей самых разных до- и вне-капиталистических общностей (так, для доклассового общества дарение было правилом, а эквивалентный обмен – случайным исключением, для феодального общества правилом было внеэкономическое принуждение, а утверждение о равенстве дворянина и крепостного как экономических агентов выглядело как нонсенс...).

и лишь абсорбируются (подчиняются) рынком и/или капиталом. Гораздо интереснее социальные связи и взаимодействия второго типа – те, что я условно назвал *пострыночными* и *посткапиталистическими*.

Отношения и процессы, скрытые за понятием “социальный капитал”: генезис нового класса отношений, переходных к посткапиталистическим

Рассматривая взаимодействия субъектов в рамках неправительственных организаций, социальных движений и других институтов гражданского общества, в коллективах ученых, художников и педагогов, в процессе совместной добровольной (*voluntary*) деятельности и т.п., ряд упомянутых выше зарубежных авторов выделяют в качестве связей, описываемых категорией “социальный капитал”, отношения *взаимного сотрудничества, солидарности, взаимопомощи, кооперации*¹⁹. Я сейчас не ставлю практически актуальный вопрос о том, насколько широко распространены отношения солидарности в современной экономике. Я лишь фиксирую теоретически значимый тезис: не-рыночные отношения кооперации в современной экономике есть, и они настолько значимы, что зарубежные исследователи были вынуждены их не только заметить, но и обозначить как особый вид капитала.

Для меня этот круг отношений интересен по нескольким причинам. Во-первых, они *an sich* носят не рыночный характер. Главное основание для такого утверждения состоит в том, что эти отношения предполагают не обособление, независимость акторов, а кооперацию и диалог субъектов. Следствием этого является по преимуществу неконкурентный характер этих взаимодействий. В рамках таких отношений *солидарность оказывается реально действующим, эффективным и практически используемым в экономике способом кооперации индивидов в процессе осуществления совместной деятельности*. Во-вторых, эти отношения предполагают и полагают формирование черт иного, нежели характерные для рационального *homo economicus*, типа личности с иными ценностями и иной мотивацией, иными социально-экономическими интересами.

Если в рамках рыночного, конкурентного отношения общественный интерес реализуется лишь *post festum*, в конечном итоге как продукт взаимодействия *противоположных* интересов участников конкурентного процесса, то в отношениях солидарности с самого начала, *a priori* интересы субъектов кооперации едины и в основном совпадают с общим интересом. Так, принципиально и *a priori* едины интересы участников экологических организаций или субъектов глобальной сети АТТАК, предупреждавшей об угрозе мирового финансового кризиса с конца 90-х гг. XX в. В основе своей едины интересы членов профсоюза и партнеров в рамках бизнес-ассоциаций. Более того, отношения солидарности (или в менее продвинутых “по ту сторону” рынка и капитала формах партнерства) могут быть характерны и для некоторых взаимодействий участников рыночного процесса: то, что взаимодействия бизнесменов включают не только конкуренцию, но и партнерство, хорошо знают и теоретики, и практики бизнес-процесса.

Оговорюсь: совпадение интересов и целей субъектов отношения солидарности может быть основано на *формальной*, заданной извне, общности целей и ценностей, и тогда оно легко вырождается в бюрократическую проформу, представителем которой становится оторванный от кооперирующихся субъектов координирующий орган, а может быть, следствием *конкретно-всеобщего взаимодополнения интересов, потребностей, целей участвующих в диалоге субъектов*²⁰. В последнем случае (типичный

¹⁹ Напомню, что в современной экономике мы практически никогда не встретим чистых не-капиталистических форм. Сегодняшний мир – мир рынка и капитала. Единственное, что может быть в нем наряду с ними – формы, соединяющие черты этих отношений и ростки новой системы, но и только. Повторю: в чистом виде не-капиталистические отношения в сегодняшней экономике почти не встречаются.

²⁰ Категория конкретно-всеобщего, развитие которой дано в работах Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса и – как суммирование и дополнение классических трактовок – Э. Ильенкова, предполагает не формальное

пример здесь – кооперация ученых, разрабатывающих единую проблему в рамках творческого коллектива) бюрократическая инверсия общности оказывается принципиально затруднена, хотя и не невозможна. (В качестве краткой ремарки замечу: такая инверсия возможна с любым типом экономических взаимодействий. Так, в условиях нестабильности институтов рыночная конкуренция легко вырождается в криминальные разборки или даже войны: у каждого свои “болезни”...) В рамках отношений солидарности формируется и особый тип соперничества, являющийся не другим именем конкуренции, а принципиально иным способом самореализации.

В-третьих, отношения, которые я выше обозначил термином “солидарность”, носят не-капиталистический характер. Они основаны на концентрации основных прав собственности в руках всех членов кооперации и в строгом смысле несовместимы с отношениями капиталистического найма одними участниками солидарного трудового процесса других. И распоряжение процессом (в частности, целеполагание и другие функции управления), и присвоение факторов деятельности, и использование ее результатов (например, отказ от вырубki леса как следствие деятельности экологической НПО) носят *непосредственно общественный* характер. Более того, с точки зрения отношений собственности в данном случае можно говорить о наличии и такого аспекта, как безвозмездная *взаимопомощь* участников солидарной деятельности, и их непосредственное (не опосредованное принципами эквивалентности и иными видами отчуждения) *сотрудничество* в процессе реализации конкретно-всеобщих целей и ценностей (напомню: все это пересказ не текстов по политэкономии социализма, а упомянутых выше *западных работ о “социальном капитале”*).

Другое дело, что в реальности отношения солидарности всегда противоречиво соединены с отношениями частного присвоения и коммерциализации, бюрократического управления и карьеризма, порождая погоню за деньгами и местом в иерархии в науке и педагогике, бюрократизацию управления и злоупотребления в НПО, и т.п. Но ведь и собственники капитала “вырождаются”: одни норовят подкупить госчиновников, другие – превратиться в “баронов-разбойников” (господствующий тип крупного бизнеса в США второй половины XIX в.), третьи – создать под видом частной службы безопасность мафиозную структуру... Причем степень вырождения особенно высока на этапе генезиса системы, так что *только зарождающиеся отношения солидарности и другие посткапиталистические отношения просто обязаны все время грешить тенденциями коммерциализации, бюрократизма и иными “пережитками прошлого” вследствие тех же законов, по которым капитал в эпоху первоначального накопления грешил страстью к использованию насилия и государственной власти...*

Вернемся к нашей проблеме анализа отношений солидарности и сотрудничества и поставим проблему: о чем свидетельствует их наличие – о сохранении (возрождении) до-рыночных и до-капиталистических отношений или о генезисе отношений *пострыночных и посткапиталистических*? И здесь я предлагаю пойти по пути историко-логического анализа содержания этих отношений. Такой анализ позволит выделить внешне сходные, но содержательно различные отношения, подпадающие под имя “солидарности”.

Это могут быть до-капиталистические отношения сотрудничества, основанные на доиндустриальном типе технологий, ручном репродуктивном труде, подчинении человека традиции и другим формам личной зависимости (наиболее типичный пример – община). Но возможны и принципиально иные отношения, предполагающие преимущественно творческое содержание деятельности и добровольное свободное ассоциирование участников процесса. В случае, если в основе их сотрудничества лежит совместное социальное творчество, мы попадем в сферу деятельности социальных движений и НПО (в том числе свободных и добровольных ассоциаций пред-

---

(по принципу сходства ежа и половой щетки, равно обладающих щетиной), а содержательное, родовое, конкретное единство, в том числе внешне не сходных, но сущностно “сродственных” (ср. гегелевская категория “избирательного средства”) феноменов (подробнее см. [Гегель, 1971; Ильенков, 1984]).

принимателей, наемных работников и т.п.). Если же в основе такой кооперации лежит творческая деятельность ученого, художника, педагога, эколога, субъекта управления и т.п., мы окажемся ближе к отношениям со-творчества в процессе деятельности креативного класса (и опять повторю: в реальности в большинстве случаев эта деятельность будет иметь переходные формы организации, включающие значимую рыночно-капиталистическую составляющую).

Отношения же солидарности, основанные на творческой деятельности (в том числе – социальной креативности) и свободном ассоциировании участников я считаю правомерным квалифицировать как посткапиталистические (и, соответственно, пострыночные). И этот тезис следует аргументировать. Во-первых, они базируются на творческом, постиндустриальном по своему содержанию труде, что позволяет оценить их как, по меньшей мере, не менее прогрессивные, чем капиталистические, по технологическому базису. Во-вторых, они предполагают снятие капиталистических форм отчуждения, лежат “по ту сторону” наемного труда, когда работник продает свою рабочую силу и, следовательно, отчуждает свои способности и выполняет в процессе труда функции, диктуемые капиталом. Цели, технологию такой деятельности задает капитал (о креативной корпорации и новых методах управления креативным персоналом речь пойдет несколько ниже, ибо это формы, включающие элементы посткапиталистических отношений, основанные на использовании человеческого и социального “капиталов”). Кроме того, они предполагают преодоление отчуждения работника от функций управления, присвоения результатов деятельности и т.п., а также такой формы отчуждения, как конкуренция.

Наконец, в-третьих, отношения солидарности ставят задачи свободного развития человеческих качеств или сходные задачи как непосредственные цели деятельности и, как правило, обеспечивают высокие результаты в их достижении (косвенное подтверждение этому – факт, что страны, широко использующие эти формы организации – выше обозначенные как социал-демократические – имеют наивысшие рейтинги по Индексу человеческого развития, опережая по этому показателю аналогичные по уровню развития технологий страны с либеральной ориентацией экономики).

Генезис посткапиталистических отношений: эмпирические проявления

А теперь, после того, как теоретически сформулированы критерии, позволяющие выделять ростки посткапиталистических отношений, можно завершить нашу спираль, начавшуюся с систематизации эмпирических черт социального капитала, фиксируемых западными исследователями, и вновь обратиться к практике. Обогащенное теоретическими выводами, это обращение позволит показать, где и как именно проявляются в практике современного позднего капитализма отношения, которые я обозначил как посткапиталистические и которые в западной литературе причисляются к сфере явлений, называемых “социальным капиталом”. Построим *классификацию этих эмпирически наблюдаемых в условиях позднего капитализма посткапиталистических отношений, проявляющих себя как социальный капитал*, на основе выводов проведенного выше краткого исследования, а именно, по принципу нисхождения меры развития посткапиталистических начал в эмпирически данных переходных отношениях и институтах позднего капитализма.

Первый блок – совокупность отношений и процессов, где в наибольшей (в условиях капитализма) степени развиты эти начала. Это феномены, где (1) труд имеет значимые творческие компоненты, (2) главные цели деятельности – социальные, гуманитарные, экологические и т.п., а денежная мотивация субъектов играет подчиненную роль и (3) отношения *par excellence* носят характер свободной добровольной кооперации (отчуждение работников от средств и результатов деятельности, а также от управления, если и присутствует, то не является доминирующим). На этих основаниях сегодня строится деятельность многих социальных движений и НПО, коллективов ученых,

занятых преимущественно фундаментальными исследованиями, значительной части педагогов в начальной, средней и высшей школе (как правило, в государственном секторе), социальных работников, работников некоммерческих организаций в сфере культуры и взаимодействия человека с природой, людей искусства, ориентированных не на коммерческие результаты.

Эти пласты практики довольно редко упоминаются в исследованиях по социальному капиталу. Еще реже о них вспоминают экономисты, принадлежащие к мейнстриму, но с моей точки зрения они принципиально важны. Важны, так как это постиндустриальные сферы экономики, являющиеся *наиболее значимыми для прогресса в XXI в.*, ибо формируют креативные качества человека – главный ресурс развития экономики, основанной на знаниях. Важны они еще и потому, что здесь скрыт ключ к ответу на заявленный в начале статьи вопрос: что есть социальный капитал – скрепы современного капиталистического общества или же гексоген в его основании?

Второй блок – элементы посткапиталистических отношений в индивидуальном поведении акторов экономики позднего капитализма, ориентированном на развитие человеческого и социального капитала. Этот блок изучен и описан едва ли не наиболее полно, поэтому позволю себе лишь напомнить некоторые известные положения. Я бы их сформулировал так: в той мере, в какой индивид (1) действует (как работник, потребитель, собственник), исходя из ценностей и мотивов развития человеческих качеств, социальной кооперации, максимизации общественных благ и т.п. как приоритетных по отношению к целям максимизации денежного дохода; (2) включен в отношения солидарности, а не конкуренции и (3) осуществляет свою деятельность свободно, а не как наемный работник или функция частной собственности (в развитом виде – капитала), он включен в посткапиталистические отношения и формирует социальный капитал (а также человеческий капитал) как систему посткапиталистических по своей сущности отношений. Эти три параметра сегодня в немалой степени характерны, в частности, для представителей “рядовой” интеллигенции, лиц, занятых в экономике солидарности и т.д., и следовательно, этот блок в значительной мере пересекается с первым.

Третий блок – элементы отношений солидарности, взаимопомощи и т.п. в организации деятельности персонала в современных креативных фирмах, фирмах, использующих доктрину “человеческих отношений” и иные механизмы неотчужденного социального взаимодействия и мотивации. Он достаточно подробно описан в зарубежной литературе, посвященной преимущественно проблемам менеджмента. Естественно, в данных источниках почти никогда не говорится не то что о посткапиталистических формах организации труда, управления и других форм социально-экономических взаимодействий, но даже о социальном капитале. Посвященные этим вопросам работы по менеджменту вновь и вновь на протяжении вот уже почти столетия “открывают” для себя то, что индивид – не только рациональный экономический человек, максимизирующий денежный доход и минимизирующий затраты (своего труда и др. ресурсов), но и личность, со сложной системой интересов и потребностей, ценностей и мотивов²¹.

Для нас здесь наиболее интересны следующие компоненты, в наибольшей степени проявляющие себя у индивидов, описанных выше, при характеристике второго блока:

---

²¹ Замечу: теоретически названные выше аспекты были выделены более полувека назад в несколько специфической форме в работах по политической экономии социализма и марксистской социальной философии таких ученых, как Р. Косолапов, К. Тронеv, В. Черковец, и позже мной в совместных с А. Колгановым публикациях конца 1980-х гг. Кроме того, подчеркну, что многие из этих форм были впервые предложены в качестве компонентов организации трудового процесса и трудовых отношений в странах “реального социализма”, где социальная мотивация труда на ряде предприятий была развита в очень высокой степени, несмотря на все бюрократические мутации этой системы (подробнее см. об этом работы 1980-х гг. М. Воейкова и И. Чангли).

– превращение труда (творческого) из бремени в ценность и стимул, что позволяет развивать формы стимулирования труда... трудом, имеющим творческое содержание;

– трансформация времени досуга в свободное время (время развития человеческих качеств, в том числе – время творческой деятельности)²², что позволяет развивать формы стимулирования труда и активности свободным временем;

– стремление к включению в отношения солидарности, а не конкуренции в процессе трудовой деятельности, в том числе в трудовом микроколлективе (развитие форм коллективной организации труда, “работы командой” и т.п.);

– формирование долгосрочной некоммерческой заинтересованности в результатах деятельности макроколлектива: фирмы, организации, в случае социально ответственного бизнеса – граждан страны в целом или даже человечества (работа на фирму, строго соблюдающую экологические нормы, является в странах, широко использующих модель социально ответственного бизнеса, одним из важных стимулов мотивации ответственной, высококачественной творческой работы персонала);

– развитие форм некоммерческого соревнования, ориентированного на максимальную реализацию личностных качеств и самореализацию индивида, индивидуальный престиж в коллективе, а также социально-гуманитарное стимулирование персонала (вплоть до форм, поразительно напоминающих “моральное” стимулирование участников социалистического соревнования в СССР);

– формирование климата неотчужденных социальных отношений и практики взаимопомощи в коллективе (в частности, доктрина “фирмы-семьи”).

Четвертый блок – социальный капитал как слагаемое отношений партнерства в бизнесе и социального партнерства. Как уже было отмечено, отношения между персонифицированными капиталами (фирмами, предпринимателями) включают не только отношения конкуренции, но и партнерства. Последние нельзя в строгом смысле считать разновидностью отношений солидарности или взаимопомощи, так как целевые установки, мотивация и положение акторов этого отношения характеризуют его как в основе своей рыночное, более того – капиталистическое.

В то же время, наличие общих (не конкурентных) целей у участников бизнес-ассоциаций или партнерств (как явных, так и скрытых), содействие развитию каждого из участников ассоциации (партнерства), а не стремление разорить конкурента, инициативная выработка неких общих “правил игры” (в том числе во взаимодействии с третьими лицами), добровольные ограничения коммерческих целей (вплоть до соглашений о непревышении неких заранее установленных уровней нормы прибыли) и т.п. говорят о наличии в рамках таких соглашений элементов пострыночных, неконкурентных отношений²³.

Отношения социального партнерства капитала и наемных работников, в частности трехсторонние соглашения профсоюзов, государства и бизнес-ассоциаций, я бы квалифицировал как более продвинутые по шкале социализации, нежели чистое бизнес-партнерство, поскольку в таких договорных отношениях собственно гуманитарные, социальные цели играют несколько большую роль [Рудык, 2004; Социальная ... 2010]. В то же время я не стал бы преувеличивать пострыночные элементы в отношениях, которые я условно отнес к четвертому блоку. Они есть, но доминируют преимущественно рыночные, капиталистические параметры.

²² Не могу не отметить, что едва ли не самая интересная характеристика свободного времени как богатства, ценности и стимула, развивающая идеи К. Маркса, содержится в работах П. Кузнецова [По ту сторону... 1990].

²³ То, что отношения конкуренции в условиях рынка предполагают и некую толику иных, партнерских отношений, а также некие нравственные ограничения, заметил еще А. Смит, кстати, автор и “Теории нравственных чувств”. Этот феномен хорошо известен и современным экономистам. При этом, однако, большинство из них трактуют его как элемент рынка, ибо полагают, что все, содействующее развитию рынка, есть его атрибут, наличие не-рыночных отношений игнорируется, не говоря уже о диалектике развития ростков нового качества внутри старой системы как важнейшего способа самосохранения последней.

И последняя ремарка в связи с анализом посткапиталистических отношений как специфических оснований социального капитала. Эти отношения в большинстве своем *позволяют компенсировать провалы не только рынка, но и государства*. Лежащие в основе социального капитала и таких институтов, как НПО, социальные движения, научные, педагогические, экологические и т.п. ассоциации, отношения солидарности и социально-гуманитарные ценности и мотивы, то есть *отношения и формы свободного добровольного ассоциирования граждан по своей природе расположены “по ту сторону” не только рынка и капитала, но и государства* с его бюрократизмом, иерархией, карьерными и властными устремлениями и т.п. Впрочем, это уже тема другой работы, которую я назвал “По ту сторону провалов рынка и государства” и которая скоро выйдет в свет.

А теперь давно напрашивающийся вопрос: *а что же делает эти вне-рыночные по своей природе отношения и связи людей капиталом?* Пусть всего лишь по видимости, но капиталом? Ответ на него был дан выше: то, что в большинстве случаев суммированные выше отношения и процессы в условиях современной экономики можно использовать как одно из средств для увеличения прибыли, как *один из мультипликаторов процесса накопления капитала*. Соответственно, ответ на вопрос о том, почему это всего лишь *симулякр* капитала, как бы капитал, тоже был дан: здесь нет сущности капиталистического отношения, сформулированная выше как отношение, в котором есть не только процесс самовозрастания стоимости (подчеркну: именно стоимости, адекватной всеобщей формой которой являются деньги, а не любого богатства), но и взаимодействие лично свободного и не имеющего капитала наемного работника с собственником капитала (об эксплуатации я намеренно не веду речь, чтобы остаться в рамках аксиоматики, приемлемой и для неоклассики).

Если на языке постмодернизма это положение дел обозначается как симулякр, то в марксизме для этого используются категории “видимости” и “превращенной формы”. Видимость, как известно, обретается на поверхности явлений и отрывается от сущности, скрывая ее. Воспроизводство этих видимостных феноменов приводит к возникновению превращенной формы – формы, которая создает видимость иного, чем действительное, содержания некоторого процесса [Бузгалин, Колганов, 2010, с. 186–212, 344–373].

Именно это, как я постарался доказать выше, и происходит в случае с социальным капиталом. *Воспроизводство отношений позднего капитализма, тотальная гегемония капитала* [Бузгалин, Колганов, 2004⁶] *приводят к тому, что и базовые человеческие связи, и порождаемые закатом капитализма ростки посткапиталистических отношений эта ставшая тотальностью сила превращает в как бы капитал, создавая превращенную форму, получившую имя “социальный капитал”*. Впрочем, все это непосредственно касается только тех форм социального капитала, которые дают его агентам рыночный эффект. Гораздо менее понятно, почему не только эти отношения, но и отношения, не дающие частного рыночного эффекта, тоже называют социальным капиталом. Я лично вижу только одно основание для такой квалификации: они производительны, хотя и не в рыночном, частном смысле. Они результативны лишь как социальное явление, дают в первую очередь собственно социальный (гуманитарный, экологический и т.п.) эффект. Но, как я уже заметил ранее, такой подход позволяет в качестве капитала квалифицировать и все мероприятия НПО, социальных движений и левых сил по ограничению рынка и капитала, что, на мой взгляд, делает *такое* употребление термина “капитал” просто абсурдным...

Более того, учитывая, что социальные трансферты и аналогичные им социальные феномены зачастую вызывают снижение прибыли частных корпораций и доходов их собственников, я бы назвал этот класс явлений “социальным антикапиталом”, в отличие от приведенных выше классов явлений, которые с полным правом можно называть видимостью (или, еще точнее, симулякром) социального капитала.

Новая реальность, скрытая за видимостью социального капитала: что было бы полезно увидеть бизнесу и наемному работнику

Собственно говоря, все главное уже было сказано выше. Остается лишь определить “мораль” сей “басни”. На мой взгляд, проделанное выше исследование позволяет сделать следующие выводы и рекомендации.

Во-первых, вывод о том, что открытие в течение последних десятилетий целого букета разного вида новых “капиталов” (человеческого, социального, природного, культурного...) позволяет говорить о развертывании в рамках позднего капитализма новых общественных отношений и процессов, не вписывающихся в его “классику” и описывающих его теории. Эти отношения (в частности, социальный капитал), как я постарался показать, по своему содержанию капиталом не являются, они лишь создают симулякры капитала, превращенные формы базовых социальных и посткапиталистических отношений. Соответственно, наличие последних и их все большее распространение есть первый вывод.

Во-вторых, скрывающиеся под именем социального и иных “капиталов” отношения, будучи в своей сущности противоположностью капитала, в конкретных условиях современной экономики используются во многих случаях к вящей выгоде последнего, служат его укреплению, трансформируя не-капиталистические формы в “капиталоподобные” и интегрируя их в систему. В то же время, прогресс посткапиталистических основ социального и иных “капиталов”, особенно в их наиболее адекватных новому строю формах, перейдя определенную меру, способны подрывать основы позднего капитализма.

Глобальный капитал как субъект, заинтересованный в сохранении своих основ, устами теоретиков, отражающих его интересы, формулирует это адекватным для себя образом: с их точки зрения развивающиеся до определенной меры новые формы есть лишь особые разновидности рынка и капитала, а далее этой меры их развивать не следует, ибо это неэффективно. Вот и все. И никаких зародышей посткапиталистических отношений. С моей же точки зрения, именно эта граница и указывает на самые интересные проблемы – проблемы *пределов капитала и формирования элементов новой социальной системы в его недрах*. Но это уже другая тема.

В-третьих, исследование социального капитала позволяет сделать и некоторые выводы, небезыңтересные с точки зрения бизнеса: развитие не-рыночных, не-капиталистических форм, в том числе тех, что крайне “дешевы” (если не вообще бесплатны) для капитала, может давать значимый *капиталистический* эффект, обеспечивая не только бóльшую устойчивость системы, но и позволяя повысить рыночную эффективность ее агентов, развивая активность ее субъектов, в том числе наемных работников, создавая для них не оплачиваемые капиталом стимулы работать более производительно, творчески, содержательно. Этот вывод, на первый взгляд, “льет воду на мельницу капитализма”: указывается на новые способы повышения не только эффективности капитала, но и – переводя разговор на язык марксизма – эксплуатации. И это действительно так.

Но тут лишь одна сторона медали. Противоположная сторона состоит в том, что трансформируя наемных работников в субъектов человеческого, социального и т.п. “капитала”, поздний капитализм развивает основы своего самоотрицания. На смену формально и реально подчиненного капиталу частичного наемного работника классического капитализма приходит *Человек* – активный субъект социальных отношений, для которого полнота личностного развития и социальных связей становится важной ценностью и стимулом. И такой *Человек* подрывает собственные основы капитала, становясь потенциальным субъектом созидания новых социально-экономических отношений и институтов. Капитал “нутром” чувствует эту угрозу и потому с большой опаской идет на развитие описанных выше переходных форм взаимодействия с работниками и организации их труда даже там, где это сулит ощутимый коммерческий эффект.

Впрочем, здесь есть и поле для компромисса: упомянутые выше модели социального государства, социально ответственного бизнеса, не-капиталистически организованные формы хозяйства (“экономика солидарности” и т.п.) показывают возможный исторический компромисс. Другое дело, что он выгоден капиталу лишь в очень огра-

нических рамках, ибо сколько-нибудь серьезное продвижение по пути развития этих новых переходных форм создает мощные предпосылки и импульсы для перехода к иной, посткапиталистической, общественной системе.

И последнее. В самом начале текста я заметил, что социальный капитал в настоящее время часто рассматривается в качестве некоего “клея”, социальных скреп, соединяющих разрозненные и во многом противоречащие друг другу фрагменты общества. И это действительно так: все описанные в статье переходные формы позволяют при их эффективном использовании в некоторой мере снимать (в гегелевском смысле – отрицания с удержанием положительного) ключевые антагонизмы рынка и капитала – эгоизм, конкуренцию, противостояние наемного труда и капитала и другие формы отчуждения, способствуя кооперации и устойчивости общественных связей. Но есть здесь и диалектически противоположная сторона: все эти позитивные результаты, связанные с развитием социального капитала, в большинстве случаев связаны с прогрессом не-капиталистических и, более того, посткапиталистических отношений, то есть отношений, подрывающих основы господствующей ныне системы...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. М., 2004⁶.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* “Капитал” в XXI веке: pro et contra // Вопросы экономики. 2007. № 9.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Пределы капитала: методология и онтология. М., 2010.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Политическая экономия постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы экономики. 2005. № 9.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* “Рыночноцентрическая” экономическая теория устарела // Вопросы экономики. 2004^а. № 3.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Человек, рынок и капитал в экономике XXI века // Вопросы экономики. 2006. № 3.
- Гегель Г.В.Ф.* Наука Логики. Т. 1. М., 1971.
- Ильенков Э.В.* Диалектическая логика. М., 1984.
- Маркарян К.В.* Человеческий и социальный капитал: теория и модели будущего // Социальная экономика: теория и практика. М., 2010.
- По ту сторону отчуждения. М., 1990.
- Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. М., 2003.
- Рудык Э.Н.* Социальное предприятие, социальная экономика, социальное государство. М., 2004.
- Социальная экономика: теория и практика. М., 2010.
- Стрельникова Л.В.* Социальный капитал: технология зарубежных подходов // Общественные науки и современность. 2003. № 2.
- Штырбул С.А.* Социальный капитал: к вопросу о концептуализации термина // Омский научный вестник. 2009. № 6.
- Brehm J., Rahn W.* Individual-Level Evidence for the Causes and Consequences of Social Capital // American Journal of Political Science. 1997. Vol. 41.
- Bourdieu P., Wacquant L.* An Invitation to Reflexive Sociology. Chicago, 1992.
- Boxman E., De Grant F., Flap L.* The Impact of Social and Human Capital on the Income Attainment of Dutch Managers // Social Networks. 1991. № 13.
- Burt R.* Structural Holes: the Social Structure of Competition. Cambridge (Mass.), 1992.
- Fukuyama F.* Trust: the Social Virtues and the Creation of Prosperity. London, 1995.
- Inglehart R.* Modernization and Post-Modernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997.
- Knoke D.* Organizational Networks and Corporate Social Capital // Corporate Social Capital and Liability. Boston, 1999.
- Portes A.* Social Capital. Its Origins and Application in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. № 24.
- Putnam R.* Bowling Alone: America’s Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. № 6.
- Schiff M.* Social Capital, Labour Mobility, and Welfare: the Impact of Uniting States // Rationality and Society. 1992. № 4.
- Thomas C.* Capital Markets, Financial Markets and Social Capital // Social and Economic Studies. 1996.